

ВЛАДИМИР СОРОКИН

18+

Владимир Сорокин

Нормальная история

«Corpus (АСТ)»

2019

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сорокин В. Г.

Нормальная история / В. Г. Сорокин — «Corpus (АСТ)», 2019

В сборник “Нормальная история” вошли статьи и эссе Владимира Сорокина, написанные и выходившие в 2010-е. В нехудожественной прозе автор не изменяет любимым темам: еда и питье как проявления национального характера, Москва и Берлин, взаимопроникновение жизни и литературы. Из небольших заметок вырисовывается сотканный из деталей стиля и быта точный портрет двухтысячных, неумолимо становящихся прошедшей эпохой. Особого внимания достойны тексты о художественной среде восьмидесятых, сформировавшей Сорокина как писателя. Называя последнее десятилетие существования СССР “разрывным временем”, когда “процесс стал теснить состояние”, Сорокин показывает, как стремительно разрывало тогда привычную картину мира, отказывалось от рамок неподцензурное искусство. Это свидетельство участника “процесса” ценно не только для историков искусства, но и для рядового обывателя, у которого восьмидесятые ассоциируются то ли с бесконечной очередью, героиней и сюжетом первого романа Сорокина, то ли с партийным санаторием. Для современника, не слышавшего в те времена имперского распада о Пригове, Кабакове и московском андеграунде.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сорокин В. Г., 2019
© Corpus (АСТ), 2019

Содержание

Москова	6
Подмосков	8
Первомат	10
Симбиоз?	12
Пыль	14
Мусор	16
Автоматизм	18
Мороз	20
Завтрак	22
Масло	24
Кушать подано!	26
Пуще неволи	27
Рок впервые	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Сорокин

Нормальная история. Сборник эссе

© Владимир Сорокин, 2019

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019

© ООО “Издательство АСТ”, 2019

* * *

Москова

– Москова-а-а-а-а...

Рот растягивается то ли в зевоте, то ли в недоумении-удивлении:

– Москова?!

Что-то болотисто-лягушачье в названии столицы нашей, одновременно с чем-то бабьим, румянощеким, жопасто-грудастым, и с отрыжкой после сытного обеда, в зевоту переходящую, и с деревенской спесью, задором, надрывным окриком, пердежом, гордостью и спесью, теперь уже столичной:

– Мы – Москова, а вы кто такие?!

Более полувека обитаю в этом городе и в окрестностях его, а что такое Москова – так до конца и не понял. Город? Деревня? Страна? Государство в государстве?

Столица. Вот слово, вроде бы все объясняющее и ставящее на место. Но пожужь его, пожужь – и выплюнешь: мало в нем проку, ничего по сути не проясняет. Ну, столица. Столиц в мире много. А образ ее каков? Суть в чем?

Место, где стоит вертикаль власти. Где сходятся все пути государственные. Это понятнее. Голова огромного имперского дракона. Ставшего теперь бронтозавром. Все нервы и вены от гигантского многовекового туловища тянутся сюда.

Мегаполис, в который несут и везут со всех концов страны. И едут с челобитными. Например, из Горного Алтая. Едут с челобитными на лошадях по горным тропам, с кожаными кошельками золота и изумрудов, под охраной ратников, потом пересаживаются на “мерседесы” с мигалками, укладывают кошельки в багажники, едут в Кремль.

На картах географических Москва круглая. Яйцо эдакое, с белком спальных районов и желтком центра. А в желтке – бордовый треугольник: Кремль. Как зародыш в яйце из-под деревенской курицы.

Созерцание Кремля еще в детском возрасте вызывало оторопь: как-то торжественно и страшно, везде милиционеры, флаг, а рядом еще мумия желтая в сундуке малахитовом лежит, которую надо всем с детства почему-то любить, куранты бьют грозно... Вводили в Кремль за руку, показывали и рассказывали: вот Царь-пушка, вот Царь-колокол. Чудовища! Зев Царь-пушки, готовый тебя проглотить, а потом выстрелить тобою во врагов России. А колокол, который треснул, как мне всегда казалось, от самооглушения...

Нет, от Кремля, от сталинских высоток, от “челюсти” Нового Арбата хотелось бежать в московские переулки. В них была прелесть. Уют. Они до сих пор человеческого размера. Наверное, единственное по-настоящему городское в Москве. Кривоколенный, Столовый, Гнезниковский, Староконюшенный... В них хорошо было гулять, разговаривать, пить портвейн и целоваться. Было. Ибо теперь они забиты дорогами и грязными автомобилями. Они стоят там даже ночью. Целоваться рядом с ними как-то не очень эстетично...

Очаги человеческого в Москве: переулочки да бульвары. Да еще дворы московские. Хотя дворы нынче все перекрыты шлагбаумами, словно это государственные, запретные зоны. Увы, из уюта переулков быстро вырастаешь и выходишь на проспект. А там высотки, поток машин, ветры государственные и энергии социальные... неудобно.

Что теперь с Московою-то?

Как-то много всего. После сталинского, хрущевского и брежневского по ней прошли еще пара мощных катков: лужковский и собянинский. Катились быстро, нахраписто, дорого, оголтело и безвкусно. Сперва строили ларьки у метро, потом в одночасье их сносили. Ломали старые здания. Асфальт сменили на плитку. Еще раз. И еще раз. Плитка дышит кладбищенско-казенным духом. Москва теперь как бы зачищена под сталинско-брежневский эталон государственной столицы. В духе дня, как говорится. Нынче в моде застой. Выметено все чисто.

Ярко освещено. Стоят светящиеся украшения, напоминая праздники в детском саду. Проносятся государственные эскорты с мигалками.

Чистая, подмороженная Москва.

Она дышит высокомерным пространством отчуждения от человека.

Есть новизна, есть роскошь, сразу нагло бросающаяся в глаза. Но нет уюта. Полно дорогих, сногшибательных ресторанов. Но крайне мало недорогих и уютных.

С каждым днем убеждаюсь: в этом городе по-настоящему счастливы чиновники, электронно-платежные системы и автомобили. Это их город. Обычного человека Москва по-прежнему не замечает, как и в советское время. Она его перемалывает в некий биофарш, обслуживающий чиновников, машины и банкоматы. А при случае – пережует и выплюнет.

А уж про экологию и биоэнергетику и говорить страшно...

Мне возразят: в этом и есть новый московский стиль. Наверно. И стоя в пробках из грязных машин, я себя убеждаю: да, это и есть моя Москва. И другой не будет. Ее надо любить. Я старался это делать в семидесятые, когда она была пустоватой, с очередями и лозунгами, вроде “Партия – бессмертие нашего дела!”, в новорусские девяностые, когда быстро и курчаво строили, стараюсь и сейчас, в вертикальновластные, плиточно-бордюрные нулевые.

И с каждым днем понимаю, что близка мне по-настоящему только Москва конца XIX века. И по размеру, и по стилю. И по духу. Кинохроника той Москвы завораживает. О такой Москве приятно мечтать, стоя в пробке на Ленинском проспекте. Хочется нырнуть туда и оказаться на ее нешироких улицах человеческого размера с рысаками, калачами, Хитровкой, Охотным Рядом, Сухаревкой, городскими, гимназистками, юнкерами, дамами, господами, приказчиками и половыми, говорящими на настоящем русском языке. Язык современной Москвы писателю может быть приятен разве что феноменологически.

Да, у той Москвы было свое лицо. Поэты объяснялись ей в любви: “Я люблю этот город вязевый”, “Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли – Москва”, “Москва! Как много в этом звуке...”, “Как бы дым твоих ни горек труб, глотать его – всё негашь!”, “Здесь чудо – барские палаты с гербом, где вписан знатный род; вблизи на курьих ножках хаты и с огурцами огород”.

Увы, огороды с огурцами давно закатаны асфальтом, который сменили на государственную плитку.

Лицо современной Москвы состоит из шрамов.

Ей досталось в двадцатом веке и достается в двадцать первом.

Каменный рот города открывается:

– Москова-а-а-а-а...

То ли крик, то ли стон.

Город, изнасилованный вертикалью власти.

У маркиза де Сада в “Новой Жюстине” был чудовищный персонаж, русский граф Минский, обладающий колоссальным, никогда не опадающим фаллосом. Акт с Минским был смертелен для избранницы: раздавался “печальный треск костей”, и все кончалось.

Трещат, трещат косточки румяной Московы.

Сила страсти Вертикали Власти!

И что делать москвитам?

Выхода два:

Жить здесь дальше.

Бежать, бежать с котомкой за спиной в широкий шум задумчивых лесов...

Подмосковье

Эпизод 1.

Тебе восемь. Лето. Ты сидишь в саду в шезлонге, листая большую книгу про Мюнхгаузена. Друг выбивает подпорку шезлонга, ты падаешь назад, шезлонг складывается, твой правый мизинец попадает между рейками. Верх пальца срезан, ноготь болтается на ниточке, ты бежишь домой, плача и брызгая кровью.

Через пару недель, учительница музыки: “Гамму таким пальцем уже не сыграть”. Короткий пятый отчаянно-бесполезно клюет клавиши, пахнущие бабушкиным уютом.

Эпизод 2.

Ты в третьем классе, она в первом. По дороге из школы вы узнали от пятиклассника о том, что делают взрослые по ночам. Зимний вечер, луна в облаках. Куча угольного шлака, куда истопник только что выбросил горячий шлак. Снег шипит, и пахнет кислым. Стучит электричка, полаивает собака. Стоя за кучей, вы пытаетесь совершить свой первый половой акт. Варежки болтаются на резинках, партнерша, подняв коротенькую шубку и спустив рейтузы с трусами, смеется и отстраняется: ей щекотно. Ничего не выходит. Но ощущение теплого, ускользающе-желанного женского тела остается навсегда.

Эпизод 3.

Тебе одиннадцать. Школа. Тыходишь в туалет. Там курят старшеклассники. Звонок на урок. Вдруг резкий удар в лицо. Цветовые радуги в твоих глазах. Смех. Они уходят, выдыхая дым. Ты один в туалете. Стоишь у замазанного белым окном. Плюешь на подоконник. Видишь, как твои слезы смешиваются с кровью на подоконнике.

Эпизод 4.

Тебе тринадцать. Сухое лето. Оседлание велосипеда, выруливание по песчаной тропинке от сарая к воротам. Выезд за ворота на Первомайскую улицу, первый сосновый корень под колесом, второй. Старший друг детства у калитки соседнего двора. В его правом кулаке смятый рубль, украденный у родителей. Левая рука держит сумку с пустой бутылкой. Друг садится на багажник. Велосипед вихляет по песку, усыпанному сосновыми шишками. Путь до станции. Пристанционная площадь с подсолнечной шелухой и окурками. Палатка. Очередь в четыре человека. Рубль и пустая бутылка исчезают в руках продавщицы. Вскоре она протягивает бутылку, наполненную портвейном “777”. Друг закупоривает ее припасенной газетной пробкой, убирает в сумку. Путь назад. И за сараями, на досках, в бузине – первый в жизни глоток портвейна.

Эпизод 5.

Тебе тринадцать. Августовский пыльный вечер. С толпой ты вываливаешься в темноту из летнего кинотеатра, где только что посмотрел “Великолепную семерку”. Ты натыкаешься на

темных людей, оторопело озираешься по сторонам: за эти полтора часа ты совершенно забыл, кто ты, как тебя зовут и на какой улице твой дом.

Эпизод 6.

Тебе четырнадцать. Под впечатлением от замусоленной тетрадки с подпольной школьной эротикой (“Возмездие”, “В бане”, “Маркиза” и т. д.) ты написал эротический рассказ “Яблоки”, для пущей важности сказав, что перевел его из американского журнала “Лайф”. Рассказ принимается на ура, никто и не заподозрил, что это твой рассказ. Тетрадка с твоим рассказом бесследно растворяется в школе.

Эпизод 7.

Тебе пятнадцать. Зима. Реденький снежок. Приятель принес маленькую гибкую пластинку, вырезанную из рентгеновского снимка. Он говорит, что на пластинке записана песня тех самых битлов. Ты вставляешь пластинку в проигрыватель радиолы “Ригонда”. Звучит *Can't Buy Me Love*. Вы прослушиваете пластинку семь раз. Друг оставляет ее тебе. Ты прослушиваешь ее еще раз восемь.

Подмосква...

Вспомнить. И не вернуться.

Первомат

Это был красивый и теплый осенний день. Пожелтевшие листья готовились к своему полету. Я брел из школы по главной улице подмосковного поселка. Впереди шла корпулентная мама кудряво-веснушчатого Юрки, держа его за руку. За ней поспешали, щебеча, две девочки из нашего 2-го “А”. На девочках были белые переднички, в косичках колыхались огромные банты.

Я брел сзади, раскручивая над головой мешок со сменной обувью. На мешке было вышито мамой: ВОВА С. Это определило мою школьную кличку в новом учебном году. Вовас изображал вертолет, крутя мешок и издавая ртом соответствующие звуки. Мама Юрки, которой было поручено проводить меня до дома, шла, не обращая на мой “вертолет” никакого внимания.

Стояло первое сентября. Только что мы, подмосковные школьники, отсидев укороченный день в зелено-коричневой, пахнущей скукой школе, разбредались по своим дворам. Шли самостоятельные старшеклассники и первоклашки с бабушками. Брели с тертыми портфелями хулиганистые детдомовцы. Бодренько похохатывали пяти-шестиклассницы, достойно несли свою взрослость восьмиклассницы.

Главная улица пересекала единственную в поселке площадь. На которой строился из белого кирпича кинотеатр “Восход”. В котором мне доведется еще посмотреть “Спартак”, “Трех мушкетеров”, “Анжелику” и “Фантомаса”.

Возле этого строящегося храма общественных снов все и произошло.

Белые кирпичи клали ничем не привлекательные каменщики. К храму параллельно улице шла свежевырытая траншея. Параллельно траншее лежали длинные черные трубы. Вид этих новеньких, облитых блестящим битумом труб заинтересовал. Заглушив свой “вертолет”, я остановился. Из траншеи послышалось кряхтение, и показались два мужика в промасленных ватниках и кепках. Лица их были цвета земли, которую они только что копали. Они были сумрачны. Мимо них проплыла мама Юрки. Один из мужиков проводил ее колышущийся зад своим взглядом, сплюнул и тяжело вздохнул.

– Чего вздыхаешь? – спросил другой, доставая папиросу и вставляя в свои стальные зубы.

– Не ебался давно, – ответил тот и почесал под кепкой.

– Вот как! – рассмеялся стальнотубый.

Он закурил, заметил приближающихся восьмиклассниц и пихнул напарника ватным локтем в ватный бок:

– Ты это...

– Чего? – нахмурился тот.

– Вон, малолеток еби. – Он выпустил дым в сторону восьмиклассниц.

– На хер они мне сдались... – с обидой пробормотал другой.

– А чего? Малолетки – сладкие.

– Ты чего, пробовал?

– А как же! – шире заулыбался стальнотубый.

И подождав, когда ноги восьмиклассницы поравнялись с его земляным лицом, произнес:

– Такую выебешь – оближешь.

Девочки прошли. Мужики проводили их долгими взглядами. Потом стальнотубый заметил меня, подмигнул и скрылся в траншее. Его напарник натянул свою кепку на глаза, сплюнул и тоже исчез в земле.

Траншея опустела, словно и не было никакого разговора. Но слова двух этих подземных обитателей застряли в голове восьмилетнего Воваса. За словами стояло что-то тайное, важное

и преступное. Повторяя их, я побрел дальше, до поворота на Первомайскую, где ждала Юркина мама...

Я вошел в наш просторный двор и остановился. Во дворе белели четыре одноэтажных дома и один двухэтажный. В домах жили геологи и геофизики. Слов, которые произнесли подземные мужики, в нашем дворе никто никогда не употреблял. Родители и бабушка были на работе. Дома с пирожками и бульоном меня ждала пахнущая мазью Вишневского прабабушка. Почему-то я был уверен, что прабабушка *этих* слов не знает.

Возле сараев раздался выстрел из самодрачки. Я пошел на этот звук. Сидя под бузиной, Андрей и Колька набивали самодрачку спичечными головками. Возле них висело приятно пахнущее гарью облачко. Колька был на четыре года старше нас с Андреем.

– Сорока, – сказал Колька, быстро глянув на меня, и снова склонился над самодрачкой.

– А что такое “ебать”? – спросил я.

Колька поднял голову, прекратил свою работу. И произнес вполне серьезно:

– Сейчас расскажу.

И рассказал.

Симбиоз?

Однажды душным токийским майским вечером, когда цикады окончательно сходят с ума, а заходящее солнце посылает свой прощальный луч билдингу *ISETAN*, мой шахматный компьютер *Mephisto* уберег меня от тяжких увечий...

Звучит вполне как начало пелевинского рассказа.

Однако это правда.

Тогда я приехал в Токио по приглашению университета Гайго и поселился в университетском мини-кампусе в зеленом одноэтажном пригороде Кичиджэжи. Моя двухэтажная квартира выходила окнами в крошечный садик, в котором мог поместиться разве что снеговик, вылепленный мною позже, зимой, из стремительно выпавшего и не менее стремительно таявшего снега.

Собственно, это был первый вечер в Стране восходящего солнца. Поужинав, я сел за партию с моим железным партнером. Мы разыграли, кажется, королевский гамбит, и вдруг – все затряслось. Причем и в комнате, и за окном. Впервые в жизни я *увидел* землетрясение: черепичные крыши соседних домиков закачались, как лодки, готовые уплыть во времена бусидо, ниндзюцу и Басё.

Первые секунды: паника. Наверно, это и есть то самое “выдвижение в ничто”, описанное чувствительным Кьеркегором...

Уважаемые профессора Гайго не успели предупредить гостя из неподвижной России, что Японии трясет регулярно, раза три в месяц непременно.

Голова лихорадочно заработала: что предпринять? Попробовать спуститься вниз по узкой винтовой лестнице или кинуться в окно со второго этажа? Тряска продолжалась. Внизу звенела посуда. Я решился: головой в окно! И тут компьютер пискнул ответным ходом, я инстинктивно скосил глаз: ферзь d8 – f6. Этого мгновения было достаточно, чтобы прийти в себя. Вид шахматной доски напомнил о выдержке. Я замер: подожду мгновенье. И тряска прекратилась.

Речь пойдет не о шахматах, а о железном друге. Если бы компьютер не пискнул, я бы вылетел в окно. То есть компьютер невольно помог в трудную минуту. Неважно, что он – шахматный. Этот случай символичен: у человека обозначился друг и помощник на ближайшее столетие. Собственно, ноутбуки в Японии нынче способны и просто предупредить о подземном толчке. Да и вообще – о многом, ох о многом они могут предупредить, от многого уберечь. Во многом помочь. Подставить железную руку. Или волокнистую мозговую извилину.

То самое “глобальное информационное облако” уже не просто покрывает, а хочет стать тобой. И нет никакой необходимости держать в голове, например, бином Ньютона, ежели он в любой момент может всплыть на поверхности глазного яблока, которое рано или поздно станет монитором. И будут всплывать на нем ежесекундно подробности первой Троянской войны, технология изготовления графена-18, молитва “Живые в помощи Вышнего”, утренние курсы азиатских валют, трейлер новейшей экранизации “Доктора Живаго”, расписание работы фитнеса *Vita Nova*, цены на недвижимость в Албании, ежеквартальная банковская выписка, частушка “Ехал на ярмарку Ванька-холуй”...

Учитель уже никогда не спросит первоклашку: Вова, сколько будет пятью пять? Смысла нет: Вова с пол-оборота готов поведать о сверхтекучести гелия...

А я вот спрошу себя: хорошо ли, что компьютер мне помог?

– Ты не рад, что мы тебя тогда уберегли от увечий? – спросит ответно Мировой Электронный Мозг.

– Рад. Но не рад стремительно нарастающей зависимости от тебя.

– Что бы ты делал без меня? Ты так мало знаешь. А что знаешь – забываешь.

- Ты мне помогаешь в этом.
- Я делаю твою жизнь комфортней.
- Делая меня ленивей и неподвижней?
- Экономлю твое время.
- Чтобы я тратил его на тебя?
- Пойми, теперь без меня – никуда. Пора привыкнуть.
- Не хочу.
- Не хочешь – заставим.
- Просто как Сталин с коллективизацией...
- Ты должен идти в ногу с веком. А я помогу. Как пели *Kraftwerk*, “я твой слуга, я твой работник”.
- Слуга, все активней и наглее влезающий в мое тело.
- А что плохого в этом? Ты станешь сверхчеловеком.
- Перестав быть человеком?
- Симбиоз неизбежен! Смирись, гордый человек!

Затемнение. Глобальное информационное облако рассекает молния. Гремит гром. Цикады смолкают. Mephisto объявляет мне мат в шесть ходов. Я кладу своего короля на середину доски. Бреду вниз варить кофе.

Может, и впрямь – лучше было выпрыгнуть в окно?

Пыль

Если заглянуть в желудок пылесоса, все съеденное им в нашем человеческом мире – неизменно серого цвета. Но ведь присасывается жадный рот поедателя пыли к разноцветным, ярким вещам: коврам, кричаще красным диванам, синтетическим тиграм и собакам, желтым креслам, розовым стульям, синим шторам.

Пыль жилища человеческого неизменно серая. Конечно, если пытливо рассмотреть ее под микроскопом, она очень даже цветная и состоит из множества разноокрашенных ворсинок, покинувших своих шерстяных, плюшевых, шелковых и льняных хозяев. Глаз человеческий неспособен различить цвет каждого волоска, все сливается, становясь серым. Становясь пылью.

Пыль человеческая цвета пепла. Тот, кто заглядывал в урну с прахом человека, может это подтвердить. По сути своей пыль вовсе не пепел. Но призвана напоминать нам о нем. Каждое опорожнение мешка пылесоса – *memento mori*. Выражение лица человека, выбрасывающего мусор и опорожняющего пылесос, согласитесь, разное. Выбрасывание мусора у нас вызывает секундное любопытство, заглядывание в мусорное ведро, мимолетное различение отходов нашего бытования. Опорожнение желудка пылесоса, кроме кратковременного ужаса и омерзения, не вызывает ничего. Хочется поскорее от *этого* избавиться, сопровождая процесс избавления безусловным наморщиванием лица и бормотанием “ф-у-у...”.

Хотя, наверно, домашняя пыль гораздо стерильней содержимого помойного ведра.

Пепел, пепел нашей жизни стучит в сердце пылесоса.

Книжная пыль тоже серая. И она так же напоминает пепел. Удивительно: вроде бы книги, какое разнообразие обложек и сюжетов! А все истирается в серую пыль. Все, что человек собирает, нагромождает вокруг себя, во что одевается, что читает, на чем спит, – все становится пепельно-серой пылью. Мы словно испепеляем свой быт, сжигаем его. Если собрать всю пыль человеческую из всех пылесосов мира, вытряхнув ее на землю, мы бы оказались на спаленной планете, как после атомной войны.

А вот пыль земная всегда имеет цвет, она не серая, не безжизненная. Лунный ландшафт на Земле найти невозможно: даже в самых пустынных местах цвет будет присутствовать. Горы, леса, пашни, солончаки, takyры, пустыни и каньоны обращаются в пыль теплых оттенков. Назвать даже сероватый песок пеплом язык не повернется. Это не пепел.

В отличие от пыли человеческой, к земной пыли мы относимся терпимо. Ей позволяется скрипеть на зубах, забиваться в уголки глаз и складки одежды, виться столбом на дороге, по которой только что пронеслась птица-тройка с серьезно-усатым женихом и пьяноватыми шаферами, а дрожащий женский голос пропел:

Матушка, матушка, что во поле пыльно?

О пыли комнатной и песен толком не сложено. Как практически ее использовать? Из произведенного человеком мусора научились строить дома и даже острова. Пыль наша ни на что подобное не годится: цемента из нее не получится. Похоже, что удел ее – быть просто выброшенной.

Хотя первый в мире концептуалист Марсель Дюшан, запылив однажды стекло, назвал это произведением искусства. И был прав: запыленные вещи выглядят впечатляюще. Кинематограф вряд ли может обойтись без пыли.

Можно, наверно, производить из пыли что-то, добавляя клей. Например, вылепить памятник Пыли Человеческой. Вид его, подозреваю, будет крайне угрюмый.

Хотя пыль бытовая способна и развеселить.

Один немецкий приятель поведал мне об обряде инициации новобранца в элитных войсках бундесвера: на занятиях с противогазами вместо фильтра к трубке незаметно подсоединяют набитый пылью мешок от пылесоса. Чтобы будущий защитник Европы полной грудью вдохнул в себя домашний уют и осознал, *что* предстоит ему защищать.

Мусор

Каждый раз, выбрасывая в мусоропровод пакет с отходами нашей городской жизни, я вспоминаю Японию, где выбросить вещь сложнее, чем ее приобрести.

Я прожил там два года, в конце недели регулярно сортируя накопившийся мусор по четырем пакетам: пищевые отходы, бутылки, банки, бумага. Но это была всего лишь первичная сортировка. Пакеты из-под напитков там положено было разрезать, расправлять, складывать в стопки (как книжки!), перевязывать их веревочкой и только тогда нести на помойку. Банки из-под пива положено было плющить, бутылки – тщательно мыть. Да и пищевые отходы делятся дотошными островитянами на белковые, овощные и кости. И еще много, много мелочей, связанных с избавлением от *обычных* отходов. Необычные отходы – отдельное, сложное дело: старая мебель, вещи, сломанная техника, игрушки, домашние растения, отвалившиеся куски штукатурки требуют особых, непростых манипуляций.

Надо признаться, сортировщик мусора из меня, русского, в Японии катастрофически не получился. За это соседи (в основном неработающие домохозяйки) регулярно возвращали мне мой мусор под дверь с приклеенными посланиями, изобилующими восклицательными знаками. Неведомые иероглифы увещевали и грозили. Я же, направляясь в университет, возвращал мои пакеты на помойку. В конце концов на меня плюнули: что с него, дикаря, возмешь?! Спасло мое незнание японского и их незнание английского, на котором я этим маленьким хозяйкам маленьких домиков что-то пытался объяснить. Другого русского коллегу, давно живущего в Токио и собирающегося переезжать с одной квартиры на другую, домосидящие соседки заранее предупредили: “Мы еще посмотрим, *что* вы будете выбрасывать”. Это прозвучало зловеще.

Знакомая англичанка рассказала, как в Лондоне пожилая соседка встретила ее возле мусорных контейнеров: “Госпожа N, я всегда полагала, что вы – леди, а ваш муж – джентльмен. Но когда я вчера заглянула в выброшенный вашей семьей пакет с пищевыми отходами, я поняла, что вы не леди, а ваш муж – совсем не джентльмен”.

После Японии мне захотелось написать кафкианско-беккетовскую пьесу о стране с режимом экологического тоталитаризма, где главная цель населения – избавление от мусора, который каждому приходится хранить или вечно таскать на себе...

Если *косо* взглянуть на современного человека, мы все – обыкновенные производители мусора, и больше ничего. Ну, еще мы воспроизводим самих себя. Чтобы? Опять производить мусор. Ведь в конечном итоге все наши города, поезда, самолеты, музеи, храмы, машины и компьютеры – обыкновенный мусор. Лес – не мусор, река – не мусор, Уральские горы – не мусор. А Тадж-Махал, аэропорт Шереметьево, Эйфелева башня – мусор. И книги – тоже мусор.

В отличие от леса или Уральских гор, от мусора надо избавляться.

Конечно, мы стараемся его использовать.

Мальчиком я с приятелями ходил на огромную подмосковную Саларьевскую свалку. Теперь там высится гора с горнолыжным спуском: мусор воздвиг ее!

Японцы, как известно, за счет мусора расширяют свое островное государство. Из мусора уже строят дома.

Но все-таки человек обречен за жизнь свою обрасти персональным мусором, который после него останется: дом, мебель, одежда, любимые книги, курительная трубка, трость, тапочки, вибратор, ружье, тренажер, статуэтки “Оскаров” или медали за спасение утопающих. Родственникам усопшего всегда приходится с этим всем что-то делать.

Собственно, легко и самому стать мусором. Вспомним финал фильма “Однажды в Америке”: подъехал мусоровоз к особняку, вышел вполне приличный господин, решивший завершить свой земной путь. Мусоровоз отъехал, увезя его в себе. И ляжет тело его кирпичом в

стену нового особняка. И вселится туда новый приличный господин. И придет ему время завершить свой путь земной. И, выпив на прощанье виски, снимет он трубку телефона и вызовет мусоровоз.

Автоматизм

Аффтаматизм жи́зни заебалл...

Сколько их, автоматических движений, фраз и поступков, сколько реверансных фигур речи, вынужденных *brido* и заурядных *vido*, нормальных умозаключений и одобрительных междометий, предсказуемых восклицаний и механически принятых решений! Имя им – легион.

– Я до сих пор не могу смириться с необходимостью есть каждый день! – искренне признался мне как-то писатель Егор Радов.

– Как страшно каждый день чистить зубы! – часто слышал я от художников-концептуалистов.

– Как поживаете, господин Мандельштам?

– Ну какое вам, дураку и пошляку, дело до того, как я поживаю?!

– Hi! How are you?

– Fuck off!

– Обновления для вашего компьютера готовы.

– Идите в жопу!

С аффтаматизмом жи́зни сталкиваица не только каждый пейсатель, который жжот буквами бумагу ф надежде выжечь имя Вечности, но и бессловесный обыватель, вынужденный каждый день ездить на работу, а потом с работы. Но обывателю горrrrrrazdo легче, дамы и господа! Потому что он ргивык. Он готов проклясть всю жизнь носом в метро: на работу, с работы, на работу, с работы. И слава богу.

О, эта серая мощь автоматизма жизни! Что способно раздвинуть ее шестеренчатую плоть? Что может ей противостоять? Любовь? Да. Искусство? Да. Вера? Да. Ну, еще наркотики, алкоголь, шизофрения, похуизм.

Человек садится за компьютер, становясь частью его, садится в машину, становясь частью ее, служит в корпорации, становясь частью ее, подходит к банкомату, становясь частью его, смотрит по телевизору ток-шоу, становясь частью его, ест в “Макдоналдсе”, становясь частью его, идет на футбол, становясь частью машины болельщиков.

Детерминизм нарастает. Наше растворение в механизмах прогрессирует.

Это не рутина жизни, а совсем другое. В рутине есть своя невысказываемая прелесть. Зевать от скуки так же необходимо, как и содрогаться от потрясений. Скука и автоматизм – совсем разные вещи. Скучать приятно. А вот становиться частью машины – совсем наоборот. Здесь уже не до скуки. У скучающего есть выбор, у детали машины выбора нет.

Последний человек, которого предсказал Ницше, это, безусловно, *Homo mechanicus*, плодящийся нынче с невероятной скоростью. Его будущее предопределено: индивидуум со вживленным чипом, с заменяемыми органами, с запросами гомункулуса, с предсказуемой жизнью. Деталь Большой Машины.

Наивны попытки человечества бороться с автоматизмом жизни при помощи, например, хождения задом наперед (много раз видел такое в Японии) или советом: по нечетным дням чистить зубы левой рукой. Милые паллиативчики!

Уж если пытаться помочь этой проблеме хотя бы физически, то решаться надо на радикальные ходы. Должны поучаствовать все цивилизованные государства. Например, начать с аэропортов. Что может быть невыносимей современных аэропортных процедур, доведенных до зловещего автоматизма?!

А тут, представьте: при покидании страны на паспортном контроле вместо штампа в документе мужчин бьют в лицо кулаком, а женщинам дают пощечину. А при возвращении на родину, соответственно, два удара кулаком и две пощечины. Но потом женщинам – два

обязательных мужских поцелуя в те губы, которыми они не говорят по-русски. Мужчинам – соответственные бонусы от женского персонала службы безопасности аэропорта... Для детей – комбинация из фонтанов разноцветного шоколада с быстрой поркой, например. Для пассажиров преклонного возраста – китайские чаши с прохладной лапшой на голову.

А в самом самолете, перед взлетом, когда мужчины будут сидеть, прижав сухие салфетки к разбитым губам и носам, а дамы – влажные, к пылающим щекам, выходят голые и прелестные стюард и стюардесса для демонстрации функционирования спасательного жилета. И облачившись в игриво надутые жилеты, будут они демонстрировать пассажирам во время всего полета свою очаровательную неутомимость...

Bon voyage!

Какими обновленными вернемся мы из этого полета!

Мороз

Ударил. Не спросясь и не предупредив. И лишний раз напомнил, что он тоже русский бренд, такой как водка, матрешка, “Братья Карамазовы”, Гагарин и автомат Калашникова.

Рановато немного, середина декабря, чай не Крещение еще, но в этом и вызов мифу о мировом потеплении. И напоминание о месте, в котором живем, о прямой зависимости метафизики российского бытия от мороза.

“Русь, ты вся поцелуй на морозе!” – восторгался Хлебников.

Я не был в Оймяконской впадине, где установлен абсолютный низкотемпературный рекорд нашей нетеплой страны: – 71,2 градуса по Цельсию. Да и в Норильске побывать довелось, к сожалению, пока только в мае (хоть там и лежали, подтаивая, двухметровые черные сугробы), так что могу похвастаться только поцелуем при –41, в Москве 1978 года, когда Дедушка Мороз нанес свой удар по столице брежневской России.

И надо признаться – целоваться на морозе приятно.

Вообще, по мне – лучше –41, чем +41. Для головы, для мыслительного и текстопорождающего процесса – определенно лучше. Не знаю, как у вас, у меня при +41 мозг превращается в соевый сыр тофу. А при –41, наоборот, в голове наступают кристальная чистота и ясность.

Соответственно, на литературный процесс мороз влияет положительно, пишется в морозный денек, когда недолговременное солнце заглядывает в окно, прекрасно...

Мороз ставит вопрос. О пределах человеческого. Вся система ГУЛАГа была связана с морозом как необходимым компонентом наказания. Если бы каторга и лагеря у нас размещались в южных губерниях, мы жили бы в другой стране, с другим государственным строем.

О пределах человеческого в царстве мороза и лагерей мощно свидетельствовал Шаламов: гной, постоянно сочащийся из отмороженных в золотом забое пальцев ног, многолетняя невозможность согреться, замерзшие трупы зеков, стоящие вертикально у барака, предварительно замороженная пайка хлеба, которую *дьявольски* сметливый бригадир давал грызть заключенной, совершая с ней сзади половой акт по договору о расплате тем, что она успеет за это время съесть.

Все это возможно только в Стране Мороза.

В отечественный фольклор и литературу мороз проник глубоко: вечные песни-хиты о замерзающем ямщике, о просьбе “не морозить меня, моего коня”, универсальное начало графманского романа “Мороз крепчал...”, поэма Некрасова “Мороз, Красный нос”, где бедная вдова замерзает в лесу, красочно грезя о жарком лете, “мороз и солнце – день чудесный!”, сказка “Морозко”, где патриархального вида дедушка бодренько морозит посохом все живое, да и вообще все сказки, связанные с зимой, пушкинско-блоковский-пастернаковские метели, ...я из лесу вышел, был сильный мороз...”, “Хозяин и работник” Льва Толстого с заиндевелыми в конце путешественниками, слезоточивое “Зимовье на студеной” с замерзшим в лесу бобылем Елеской, конкретно-барачный Игорь Холин:

Мороз сегодня крепкий!
Поеживаясь зябко,
Один – который в кепке –
Сказал другому, в шапке.

А тот в ответ на это:
А ты что ж думал, лето?

Он же:

У барака он споткнулся – и в сугроб:
Он замерз. Ему тесовый сбили гроб.

Или совсем невинное, всосанное с материнским молоком:

Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

Но стоит ли бояться мороза? Не стоит. Надо полюбить его, осознать как подарок, который пока все еще с нами. Особенно сейчас, в век имитаций и нарастающей виртуальности. Мороз всегда *реален*. Он способен отрезвить не только пьяных, но и виртуально заплутавшихся.

Звонит приятель-немец из Берлина:

– Катастрофа! У нас –4 градуса!

Пусть Европа боится мороза, это не их бренд. А нам его бояться – грех.

Мой вам совет: когда ударит приличный мороз и выглянет утреннее солнце, разденьтесь догола, выходите из своего жилища навстречу морозу, раскройте ему объятия. Он ответно обнимет вас и подарит свое особое тепло.

Завтрак

Мы сами выбираем его. Обед или ужин во многом выбирают нас: обстоятельства места и времени, сотрапезники, юбилеи, праздники, алкоголь.

Все-таки навязать человеку органически чуждый ему завтрак сложнее, чем ужин. В завтраке скрывается личный код индивидуума, его первое высказывание на тему начавшегося дня, первый акт потребления мира внешнего, первое активное вмешательство в окружающую реальность.

Дали сказал, что пейзаж – состояние души художника.

Завтрак – состояние персонального кода человека.

Сколько людей, столько и завтраков. Если, опять же, человек выбирает завтрак сам. Взять хотя бы куриное яйцо – сколько возможностей оно в себе содержит! Яйцо всмятку и вкрутую, сырое яйцо, яйцо с икрой и паштетом, разрезанное пополам яйцо, яйцо в утреннем салате, яичница простая и болтушка, омлеты с разнообразнейшими дополнениями, наконец, по-детски достопамятное яйцо в стакане с крошкой туда булкой...

Многообразнейшую мощь завтраков человеческих можно почувствовать, проследив за началом утра литературных персонажей. Поле поистине необъятное: джойсовский Блум, обожающий потроха птиц, подающий изысканный завтрак в постель своей жене-певице; описанный Паустовским одесский биндюжник Хаим Серебряный, привыкший завтракать фунтом сала, “жменей” маслин и полбутылкой водки; неразлучные мушкетеры, завтракающие на бастионе Сен-Жерве под градом пуль жареной курятиной, бараньими котлетами и анжуйским вином; гоголевский майор Ковалев, решивший начать утро с хлеба и лука; две чашки кофея, калач с маслом и сырая утренняя газета Стивы Облонского; сложносоставные фруктовые соки гламурного Виктора Варда.

Персонажи завтракают.

“Был уж десятый час утра. Рашевич медленно оделся, напился чаю и съел два больших ломтя хлеба с маслом”.

– Элементарно, Ватсон! Сэру Генри опять подали на завтрак овсянку.

– Дорогой, я заказала нам завтрак в номер.

А завтрак Петра I, описанный Алексеем Толстым?

“Васька-денщик, дворянский сын Сукин, принес на подносе водки, огурцов, хлеб. Петр принял заскорузлыми пальцами стакан, медленно выпил водку, вытер губы ладонью и стал грызть огурец. Это был его завтрак”.

Или похмельный завтрак Степы Лиходеева, сервированный Воландом: водка в запотевшем графине, белые маринованные грибы, паюсная икра, сосиски в томатном соусе, хлеб, масло.

Вспоминается и завтрак чудовищного русского графа Минского, описанного де Садом в “Жюльетте”: восемь колбас с кровью девственниц, два пирога с мужскими яичками, восемнадцать бутылок греческого вина. Неплохое, надо сказать, начало дня.

Гоголевский обжора Петр Петрович Петух тоже, думаю, завтракал *соответственно*...

Советские литературные персонажи внесли свое посильное разнообразие в тему утренней трапезы:

– Я вообще-то по... ммм... по утрам очень суп уважаю... знаешь, как щами или борщом со свининкой заправишься... день можно на всю катушку пахать... в супе только и сила... а бутербродики да кофейки... это не по-рабочему...

В советском фильме “Деревенский детектив” пожилой милиционер негодует на своих взрослых детей, что они не едят утром суп, приготовленный мамой.

Хотя японцы, чей завтрак, вероятно, самый здоровый в мире, предлагают по утрам свой мисо-супчик. У них так же есть удивительная, неповторимая еда на завтрак: нато́. Это прокисшие маленькие бобы, превратившиеся в нечто тянущееся, слизеобразное. Очень полезная вещь для крови и прочего оздоровления с весьма специфическим вкусом, делящим европейцев пополам – ненавидящих и обожающих нато. Попавшие в натоисты уже не в силах обойтись без него утром.

Литературы, связанной с темой завтрака, хватает: “Голый завтрак”, “Завтрак у Тиффани”, “Завтрак для чемпионов”, “Легкий завтрак в тени некрополя”, наконец, “Блондинка на завтрак”...

Кинематограф отдал завтраку много времени, есть что вспомнить.

Но меня волнует вопрос об идеальном завтраке. Представьте, стоит рядом полупрозрачный официант, готовый выполнить любой ваш заказ. И вы ему заказываете ваш идеальный завтрак.

У Джулиана Барнса в романе “История мира в десяти с половиной главах” герой просыпается в отеле, где ему молча подают идеальный английский завтрак, который он не заказывал, но о котором всегда думал. Начиная есть, он понимает, что умер и находится в раю, где исполняются все желания.

Могу рассказать о моем идеальном завтраке: свежавыжатый сок антоновских яблок, нато, два ломтя серого деревенского хлеба, слегка поджаренные в тостере, гречишный мед, коровье масло, кофе или зеленый чай.

Хотя... Иммануил Кант вообще не завтракал.

Масло

Загадочная, завораживающая субстанция...

Каждое утро, намазывая на хлеб ее, сбитую из сливок, при дневном свете разводя ею, отжатой из льняного семени, кобальт или охра на палитре, выдавливая ее из масленки в петлю скрипящей двери, смазывая ею, отжатой из кокоса, обветренные руки, а за ужином, поливая ею, отжатой из олив, листья салата и резанные овощи, не перестаешь удивляться и понимать, для чего нам дано это вещество: жизнь наша без смазки невозможна.

К черту сломалась бы машина бытия человеческого, посыпались бы шестеренки, треснули втулки и истерлись шкивы, если б не было сливочного, подсолнечного, оливкового, машинного, кедрового, тыквенного, льняного, хлопкового, кунжутного, кокосового и анисового.

А уж наша скрипучая русская жизнь без масла просто накрылась бы печным горшком. Без коровьего, без постного и без *черного, горного, каменного*, известного нынче как нефть. Без липкого мазута, без густо-чудовищного солидола и полуэфирных, ангелоподобных летучих масел.

Куда сунется русский человек без масла?

“Не подмажешь – не поедешь”.

“Масляный язычок сладко говорит”.

“Сухая ложка рот дерет”.

“Кашу маслом не испортишь”.

Это уже не просто пословицы, а жизненные руководства, экзистенциальные принципы.

– Подмазать бы надо, хозяин! – с разной интонацией тысячи раз звучало, звучит и будет звучать на российских просторах.

И хозяин подмазывает работника, работник – телегу, груженную маслом и направляющуюся в город, где маслом сим надобно подмаслить чиновника.

Смазанные салом сапоги, смазанные дегтем колеса телеги, масляные рожи, засаленные лацканы мундиров, сальная шуточка:

– Иван Иванович нынче не ту щель смазать изволил!

“У них на масленице жирной водились русские блины”.

Но в конце концов – и не все коту масленица, гражданин подследственный...

Человек устроен как машина, шарниры и сочленения его костей надежно смазываются. Глазное яблоко, наш главный орган восприятия мира, неуклонно смазывается. Только смазанный слюной язык способен довести до Москвы. Завораживающая мальчиков своим пахучим запахом смегма с раннего детства смазывает готовящийся к работе орган. И во время этой *сладкой* работы тоже предусмотрительно выделяется смазка. Все учтено! Чтобы человек не надорвался, *не заскрипел*.

В общем и целом жизнь наша идет как по маслу. В Древнем Египте человеческими телами смазывали направляющие, по которым толкали блоки для пирамид. А в старой доброй Англии в Средние века фальшивомонетчиков варили в масле на площадях.

И у каждого есть, безусловно, свое любимое масло. Масло жизни. Кто-то любит сливочное, спустившееся с альпийских лугов, а кто-то млеет от розового, столь ненавистного Понтию Пилату. Сальвадор Дали, например, обожал оливковое, мог его просто пить, мазал им грудь и усы.

Я оливковым маслом восемь раз чистил печень, выпивая стакан его, подогретого, и запивая лимонным соком. Впечатляющая процедура, надо признаться.

Масло помогает и выручает в неожиданных ситуациях. Помните, в фильме “Последнее танго в Париже” уставший от жизни, молчаливый герой, завтракающий прямо на полу пустынь

ной, как и его душа, квартиры, без объяснений и нежностей, зачерпнув пальцем сливочного масла из брикета, смазывает попку что-то щебечущей героине и деловито содомирует ее, распластав на паркете.

Чтобы, так сказать, жизнь маслом не показалась.

А в конце фильма *подмасленная* девушка героя застрелила.

Потому что правда что масло: все равно наверх всплывет.

Кушать подано!

Вглядываюсь в фотографии советских праздничных застолий. Свадьбы, юбилеи, банкеты по поводу защиты диссертации... Что-то там темнеет на столе меж рюмок и бутылок. Еда. Ну, домашняя праздничная еда того времени более-менее понятна и приемлема: бабушкин пирог с мясом, мамина рыба под маринадом, шпроты, вареная колбаса, селедка под шубой, буженина, салаты с обилием майонеза, тушенное с овощами мясо, жареная курица. Это готовят и едят у нас и сейчас, в XXI веке.

Интереснее мир советских ресторанов, то, что предлагало государство своим состоятельным гражданам. Был такой зверь – Общепит. Взглянуть на него из мира современной гламурной еды и соответствующего обслуживания крайне любопытно. Сашими из тунца, теплые роллы с крабом и авокадо, салат “Цезарь” с креветками, паста с морепродуктами, суп из омара, паэлья, стейк рибай под грибным соусом... Раздвинем, раздвинем все эти прелести, наведем телескоп на советский ресторан 1975 года, куда я, двадцатилетний студент, получив стипендию, пригласил свою подругу-однокурсницу.

Ресторан “София” на площади Маяковского. Вход в ресторан клубился агрессивной энергией. В стеклянные двери ломались две компании. Седовласый швейцар их громогласно оживал: “Шестерых не посажу! Восьмерых тем более! Не хамить! Ждать! Двое есть?” Мы были “двое”. Нас пустили в заведение. Дым коромыслом, оркестр ревет “Червону руту”, запахи спиртного, пота и перегретой аппаратуры. Нас подсадили. К невзрачному мужчине с внешностью зубного техника и его пухленькой подруге. На столе стояла бутылка водки и бутылка полусладкого шампанского. Инженер пил водку, девушка – шампанское. Ели они курицу с рисом. Горячих блюд было три: бифштекс с яйцом, курица с рисом и какая-то рыба. Я заказал бутылку того же полусладкого шампанского, мне принесли темный, пережаренный бифштекс, однокурснице – куриную ногу с рисом, мы хлопнули по бокалу и минут через десять уже терлись в пьяной толпе под “Эти глаза напротив”.

Еда в советских ресторанах не играла первой роли: уступая алкоголю, она была приблизительная, как и большинство бытовых вещей того времени. Идея ресторана была важнее его сути. Похоть и кураж правили бал. Коротенькая замшевая юбка однокурсницы открывала прелестные ноги. Они выглядели весьма съедобно. К ним сразу потянулись пьяные руки с соседних столов, голодные красные глаза нависали над нами: “Расс-шите пригласить вашу даму!” Но быстро захмелевшая девушка розовощеко пряталась у меня на груди, в складках зеленого батника.

Мы гастрономично танцевали, отбиваясь от красноглазых. Вокруг теснились смуглые бифштексы, бледные куриные ляжки, из динамиков с ревом сыпались рис, черемша, вялая зелень и пережаренный картофель фри. Дикий зверь Общепит попереваривал нас часа два и отпрыгнул в пустую ночную Москву. Пока мы целовались в ожидании такси, желудочный сок Общепита медленно стекал с нас...

Каждый постсоветский человек изменил Общепиту в свое время по-своему: кто на Бали, кто на бульваре Распай, кто на рыбном рынке в Токио. С поеданием продукта свободного рынка открывался вкус к пище. Идея бифштекса уступала место самому бифштексу. “В советское время мне было все равно что есть” – максима, под которой подписались бы многие.

“Я впервые почувствовал вкус хлеба в Испании”, – признался мне известный советский переводчик испанской поэзии. У меня же измена Общепиту произошла зимним вечером в Мюнхене на рынке, где в рыбном павильоне я впервые в жизни попробовал устриц. Блюдо с устрицами поставили на мраморную барную стойку, местный профессор славистики разлил по бокалам шабли, я выдавил на устрицу лимон, съел ее. Запил вином.

И потерял гастрономическую невинность.

Пуще неволи

Звонит приятель:

– Не хочешь потряхнуть стариной?

– В каком смысле?

– Съездить на охоту. Отличное место, хорошая компания. Все организовано.

– Я уже сорок лет не брал в руки охотничьего ружья.

– Так возьми! Знаешь, как это вставляет?

О, знаю, знаю, как это вставляет. Как заставляет кровь вскипать пузырьками, подниматься по кровяному руслу и распускаться в мозгу реликтовым цветком: охота! Детство и юность пролюбовался я этой пурпурной орхидеей, пахнувшей ружейной смазкой и бездымным порохом “Сокол”.

Есть что вспомнить. Каждое лето начиналось в отдаленной от столицы губернии, где лежали густотравные луга, полные куропаток и перепелок, и стояли девственные, те самые, сурово шумящие леса, да и какие леса! Их уже давно повырубили.

Охота, одна из трех древних страстей человеческих, овладевает юной душой целиком, не оставляя ни щелочки в тебе на сомнения-колебания: хорошо ли это – убивать зверей и птиц ради удовольствия и азарта? Традиция. Ритуал. Мифы. Они помогут снять этот вопрос. Охота! Это по-мужски. О, как романтично, мужественно и прекрасно! А сколько написано об этом! Тургенев, Аксаков, Толстой, Некрасов, Хемингуэй.

Когда Кадо бежит опушкой леса
И глухаря нечаянно спугнет,
На всем скаку остановив Черкеса,
Спущу курок – и птица упадет.

А приготовление к охоте? А ружья? “Зауэр”, “зиммсон”, “беретта”, старые добрые “тулки”, древние шомпольные ружья, нарезные штуцеры, винтовки, современные карабины с оптическим прицелом, не оставляющие губастому лосю никаких шансов. А чистка оружия? Ветошь, наворачиваемая на шомпол, металлический ерш, снимающий освинцовку с зеркальных стволов, бутылочка с маслом. Идеально сияющие стволы! Чок-получок.

А ножи? Патронташи? А старый ягдташ со следами запекшейся птичьей крови? А манки на рябчика и утку? А утиные чучела для охоты с подсадной, чтобы обмануть доверчивую птицу?

А сам процесс? Нетерпеливо поскуливающий сеттер, яростно виляя хвостом, идет по тетеревиным набродам, чтобы вскоре замереть в стойке, подняв лапу, ожидая вашего “Пиль!”.

И взлет тяжелых птиц, и гром победных выстрелов...

А перерезание горла заваленному лосю, когда парная, дымящаяся кровь хлынет на ваши грязные сапоги? А бешеная стрельба на гусиных перелетах? А деликатный подход к токующему на сосне глухарю? А весенняя тяга вальдшнепов, когда в сгущающихся сумерках они летят серыми, неуловимыми зигзагами? Именно на тяге в моей двадцатилетней голове и зашевелилось первое сомнение: длинноносый вальдшнеп летит над просекой, поцвиркивая и ища сидящую в траве самочку, чтобы отдать ей свою любовь. А вместо самочки он получает в сердце выпущенный мною заряд дроби шестого номера-с. Великолепно! Я ловкий стрелок! Потом труп этой красивой птицы я с гордостью покажу другим охотникам. И они похвалят меня. Ведь не так просто сбить стремительного вальдшнепа! Я расскажу, как это случилось, как он летел, как я промазал из правого, а уж из левого – достал его. А потом? Потом мы вернемся домой, отдадим вальдшнепа и других убитых птиц женщинам, они их ощиплют, выпотрошат, опалят,

приготовят. И мы сядем за стол и будем пить вино, и есть убитых птиц, и рассказывать охотничьи истории о том, как и когда мы убивали животных. И женщины будут смотреть на нас любящими глазами. Наутро я пойду в туалет, и то, что осталось от переваренного вальдшнепа, вывалится из меня. Потом я зачехлю ружье, переоденусь, сяду на поезд и поеду в Москву. Вот и вся суть охоты.

Идею охоты исчерпывающе сформулировал Даниил Андреев в “Розе мира”: “Подло подкараулить и убить животное”.

И это все, господа охотники. Вся романтика. Слышал ли кто из вас крик раненого зайца? Я б его записал и подарил бы запись каждому охотнику. Этот крик окончательно отлучил меня от охоты. В вопле зайца слышалось:

– За что ты меня убиваешь?!

Надо было ответить, как и положено охотнику:

– Потому что я так хочу! Я – царь природы! Убиваю ради моего удовольствия!

Ответа, к счастью, не получилось. У Всеволода Некрасова есть стишок на эту тему:

Охотник выстрелил по зайцу.

А если б ему самому дробью в задницу?

Ни мужества, ни риска особого не предполагает современная “цивилизованная” охота. Охотник экипирован, оборудован, защищен. Зверь же по-прежнему беззащитен. Я бы сказал, еще более беззащитен. Когда мужики ходили на медведей с рогатиной в руках и топором за поясом, они реально рисковали. Да и не ради удовольствия ходили они на охоту, а ради добычи, помогающей их семьям выживать. Медвежья шкура дорого ценилась. Поэтому, когда какой-нибудь московский бизнесмен, поправив очки, с гордостью сообщает мне, что он этой зимой *взял* лося, мне становится смешно и стыдно. Смешно, потому что он не *взял*, а просто в нужный момент, в нужном месте, подсказанном заплаченными егерями, нажал на курок своего новенького карабина. А стыдно, потому что большое и красивое животное было лишено жизни “цивилизованным” человеком только ради удовольствия от убийства. И это все, господа охотники.

Рок впервые

Потеря музыкальной невинности происходит либо сразу, как выстрел в упор, либо постепенным приливом. Или вообще не происходит: есть музыкальные девственники и девственницы с вечными тампонами в ушах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.